

- [протоиерей Василий Певцов](#)
-
-

протоиерей Василий Певцов

Мужьям о женах

Из множества проблем, омрачающих сегодня нашу жизнь, остановимся на тех бедах и болезнях, губельных для всего нашего общества, которые исходят не откуда-то извне, но коренятся в наших собственных душах, зависят прежде всего от нас самих. Речь пойдет о наших семейных неурядицах. Или более конкретно — о тех мучителях, которые заставляют страдать самых близких людей — свою родную семью, — о тех мучениках и мученицах, которым выпало на долю терпеть эти страдания. Общество людское состоит из семей, и все плохое в семьях бедой отзывается на всем обществе.

Слово Божие говорит нам, что Господь, создав первого человека, сказал: «не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему». И дал Создатель человеку друга и товарища — жену, благословил их обоих жить вместе на земле, вместе пользоваться всеми радостями жизни и населять землю потомством. Тогда же положен был на вечные времена закон о браке и семейной жизни, определивший, чтобы человек, оставив отца и мать, соединился со своей женой, *прилепился* к ней, как сказано, и был с ней *единой плотью*, то есть как бы одним человеком, жил, как говорится, с ней душа в душу. Спаситель наш Иисус Христос в Своем учении подтвердил этот закон и указал при этом на его ненарушимую святость; Он сказал: «что Бог сочетал, того человек да не разлучает» ([Мф. 19:6](#)). Словами Своими, сказанными при создании жены: «не хорошо быть человеку одному», Господь показал, что он установил брак и семейную жизнь не только для того, чтобы люди продолжали род свой и населяли землю, но и для того, чтобы доставить им больше счастья на земле.

И на самом деле в родном доме для человека первая отрада, первое утешение при всех житейских невзгодах и огорчениях. И радость не в радость одинокому, и горе становится полгоря, когда есть кому разделить его. Своя семья — первая помощь и подспорье в трудах. Правда, ради семьи человек вынужден больше трудиться, из-за нее — терпеть больше скорбей, чем это вышадет на его долю в одиночестве. Но об этих тяготах нужно сказать то же, что однажды сказал Спаситель про муки рождения: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; когда же родит младенца, не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» ([Ин. 16:21](#)). Тяжелы труды и скорби семейного человека, но они охотнее переносятся в семье и скоро забываются из-за радости, ради блага самых близких и дорогих людей. «Не бедна голова одна», — говорит пословица, но зато не знакома эта голова с той отрадой, которую дает человеку семейная жизнь. «Одна головня, — говорится, — и в поле гаснет».

А к каким высоким христианским добродетелям приучает человека семейная жизнь! Недаром даже и про ветреных людей сложилась у нас поговорка: «Женится — переменится!» На самом деле не станет разве душа набожнее, богомольнее, когда приходится полагать ее за други своя, тревожиться за судьбу тех, кем дорожишь больше, чем самим собой, или когда и самому не раз случается переживать опасности, им угрожающие? Уж если говорится, что «Богу не молился, кто на море не бывал и бури не видал», так скорее всего эта пословица подходит к человеку-семьянину. Не будет ли человек трудолюбивее, заботливее и терпеливее в работе, когда от его труда будет зависеть благополучие семьи? Не станет ли воздержаннее в жизни, бережливее, когда увидит, что все то от его семьи отнимается, что употребил бы он на свои прихоти. Сердце разве не станет мягче, жалостливее и милостивее ко всем посторонним, когда

привыкнет жалеть и беспокоиться о семействе? Не научится ли быть кротким и незлобивым, когда этой кротостью и незлобием будет держаться мир и тишина в доме? Научившись этим добродетелям в семье, человек обретет не только земное счастье в своем доме или в обществе, но и вечное — на Небе.

Из сказанного вовсе не следует, что человек живущий в одиночестве не способен достичь подобных добродетелей и счастья, дело в том, где легче и где скорее достичь их. Конечно, есть жизнь и несемейная, но такая, которая ведет человека к добродетелям более высоким, чем жизнь в семье, — это иноческая жизнь, которая целиком посвящается Богу. Но это — трудный подвиг, потому такая жизнь и высока.

Немногим она по силам, потому немногих людей Господь и призывает к ней: «Кто может вместить да вместит», — говорится о ней в Священном Писании ([Мф. 19:12](#)), то есть пусть избирает ее тот, кто чувствует к тому способность.

Итак, Господь установил брак и создал семью для человеческого счастья и благополучия на земле, для помощи и отрады в исполненной скорбей жизни. Но это счастье посылается Богом тогда, когда и брак бывает устроен и в семье живут по закону, указанному Богом. Сделать же это — во власти самого человека. А бывает и так, что такое великое благодеяние Божие как семейная жизнь вместо благословения Божиего обращается в истинную кару, вместо радости приносит лишь несчастье и мучения. И сколько таких печальных примеров приходится видеть вокруг! Сколько этих бед ходит по белому свету! Сколько людей страдают от несчастной и безотрадной доли, на которую обрекла их семейная жизнь. Но кто же виноват во всем этом, как не сами же люди? И не в том ли главная беда, не от того ли семейная жизнь для многих становится несчастной, что они сами не захотели либо не сумели и семью свою устроить, и себя самих поставить в ней, как Бог указал, как следовало бы по разуму и по совести?

Какие причины чаще всего губят семейное счастье. Не будем пока говорить о том, что часто у нас сами браки заключаются так, что ведут не к благополучию и семейному счастью, а к такой тяжелой жизни, которая, по пословице, «горем посеяна, слезами полита, тоской покрыта, печалью огорожена».

Перейдем прямо к семье: сначала к положению мужей и жен, их отношению друг к другу, а потом, со временем, и к родителям, как они готовят своих детей к браку.

Первое лицо в семье — муж. Он — глава жене своей, он — хозяин дома, им ведется и держится семья. Такая власть дана ему от Бога, так учит Господь в Священном Писании.

Но для того ли Бог вручил ему эту власть, чтоб он гордился ей перед женой? На то ли она дана ему, чтобы он делал что хотел, самодурствовал, как ему нравится, и его нраву никто бы не препятствовал? Нет, это значило бы во зло употреблять власть. По закону, данному нам Самим Спасителем: кто выше поставлен над другими, тот больше обязан служить им. «Кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий — как служащий», — сказано в Святом Евангелии ([Лк. 22:26](#)) и «кому дано много, много и потребует, кому много вверено, с того больше взыщут» ([Лк. 12:48](#)). Стало быть, власть — это обязанность, возложенная Богом, которую должен нести человек для блага других, — это служба, и тем труднее и тяжелее, чем она выше.

Муж — господин в доме, значит, он первый отвечает перед Богом и людьми за все, что делается в доме, *и хорошего и худого*. Он — глава жене, значит, он главный оберегатель ее, Его дело — служить для благополучия семьи, заботиться о ее благе, устраивать ее счастье. Он поставлен выше, старше жены, стало быть, **он должен подавать ей пример во всем добром. На это от Господа ему дано больше по сравнению с женой сил и, пожалуй, умения, в этом он давал обещание перед Крестом и Евангелием, когда венчался, во всем этом с него Бог потребует на суде Своем строгого отчета.** Пример ему, как он должен пользоваться своей

властью, указан во Христе: «муж глава жены, как Христос Глава Церкви (то есть христианского общества)». А вспомните, на какие труды, унижения, страдания и смерть предал Он Себя за нее, как Он заботится о ней и бережет ее! Муж — глава жены, но жена дана ему не в рабыни. Сам Спаситель, Глава Церкви, зовет христиан не рабами, а Своими братьями, друзьями. Что такое жена для своего мужа? Это собственное его тело, единая с ним плоть, — как сказал Господь. А кто же не бережет своего тела? Кто станет свою плоть ненавидеть? Уж если, по закону Христову, христианин должен любить всякого постороннего человека как самого себя, то не должен ли он больше себя самого любить ту, которая ближе всех к нему, — свою жену, с которой Господь соединил его неразрывной связью, самым тесным союзом? Бесчеловечно мучить и тиранить других, а быть мучителем, тираном жены своей — это безумно совсем. Жена — подруга в жизни, товарищ мужу. Вместе соединял священник их руки, когда венчал их, из одной чаши пили они тогда благословенное вино, на одной подножке стояли. Не в жене ли своей больше всего и следует мужу находить отраду для себя в жизни? Не должна ль самая тесная дружба и согласие связывать его с ней? *Жена, заметим, помощница мужу равная и по человеческому достоинству своему, и по христианскому званию: перед лицом Господа нет разницы между мужским полом и женским.* Не в праве ли она требовать от мужа обращения с ней, по крайней мере, такого же уважительного, какого, конечно, и он сам требует от нее?

«Мужья! оказывайте женам своим честь, как сонаследницам благодатной жизни (то есть равным с вами по христианству)», — учит слово Господне. Жена не служанка для мужа, а помощница в трудах и заботах его, хозяйка дома. С кем же мужу прежде всего и вести совет, как не со своей женой? Кому больше довериться, как не ей? Жена оставила ради мужа родной дом, который вырастил ее, вышла из-под родительской заботы, ласки и защиты, чтобы отдать себя мужу, ему она вверила себя, его защите поручила себя, от него надеется и ждет себе счастья. Жена — мать детей, если Бог благословит ее с мужем такой благодатью. Каких страданий стоит ей одно появление их на свет Божий! Сколько тягостей, болезней, трудов ей нужно перенести, чтобы вскормить и выходить ребенка! Про то ведомо только матерям. За одно это не заслуживает ли она права на уважение?

При всем этом мужу не следует забывать об особенностях женской натуры, которые могли бы подсказать ему, как он должен обращаться со своей женой. **Жена слабее мужа**, стало быть, ей *обязан* муж оказывать снисхождение, если и заметит в ней какие-то недостатки или слабости; как говорится в Священном Писании: «бережно и благоразумно обращаться с нею, как с сосудом слабейшим». Стыд и позор тому, кто обижает слабого, а уж тем более самого близкого — жену. **Жена чувствительнее мужа ко всему**, значит, и подход к ней требуется нежный и ласковый, а не суровый.

«Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы», — учит слово Господне (Кол. 3:19). Огорчение, которое мужу кажется малым и неважным, для жены — тяжело и больно. **Жена стыдливее мужа.** Значительно реже встречаются женщины, оскверняющие себя бесстыдным словом или поступком. Значит, и здесь мужу следует дорожить в ней этим чувством, беречь его в ней, не оскорблять его неприличием: потеряй женщина стыдливость, — она делается отвратительна. **Сердце жены мягче, нежнее:** добром и лаской на него легче и скорее подействуешь.

Если муж — глава жены, ему следует быть головой прежде всего разумной, ведь голова для тела важнее и почетнее прежде всего своим разумом. Так пусть же он, используя все силы ума, поймет, что уважением и лаской он приобретет от жены полную преданность, что сердце человека призывают любовью и мягкостью, а не страхом и суровостью. Именно он, как хозяин и глава семьи, обязан в первую очередь устроить семейную жизнь так, чтобы счастье жены стало бы и его собственным счастьем.

Что же видим мы в жизни? Как обычно мужья понимают свою власть над женами? Как пользуются ей? Как смотрят на своих жен и обращаются с ними, особенно дома, в быту? Немного встретишь семей, где жена считалась бы подругой мужу, а не рабой, была настоящей хозяйкой, а не слугой, где не терпела бы унижений, обид и несправедливостей от мужа. Истинно, жалости подобна горькая доля женская, как посмотришь со стороны. А ведь в церкви, при венчании, и на нее возлагают венец *так же*, как и на ее мужа, в знак высокой чести, которой Господь благословляет ее с замужеством. «Венчай их, Господи, славою и честию», — молится священник о них обоих, благословляя брак. С горящей свечой стоят они оба, пока идет венчание, в знак радости и торжества. Вспомним также, что именно женщине дана честь *первой* принести истлевшему в пороках человечеству весть о его собственном воскресении. А между тем, сколько огорчений и унижений приходится терпеть женщине с момента ее замужества. Недаром столько песен сложилось у нашего народа про замужнюю жизнь горемычную.

А если посмотреть, какой по преимуществу оказывают у нас в обществе почет жене. Какие сложились о женщине унижительные и оскорбительные понятия. Одно ее название стало каким-то обидным, насмешливым прозвищем. Назвать мужчину *бабой* — значит показать неуважение или презрение к нему. Про мужа, если он соглашается во всем со своей женой, почтительно обходится с ней, всегда к ней внимателен, с насмешкой скажут: «обабился человек» или «с бабой возится». За женщиной в быту едва признают человеческое достоинство. И словно бы в доказательство тому — наши народные глупые поговорки, наподобие: «Рак — не рыба, нетопырь — не птица, баба — не человек», или насмешливые прибаутки: «Я думал человек идет, ан, баба». Про ум женский говорят с презрением: «Волос долог, да ум короток». Женщину признают чуть ли не виновницей всех бед, приписывая ей едва ли не бесовский характер («Где самому бесу ничего не поделать, туда бабу пошли»). И мало ли еще подобных нелепых поговорок сложилось в народе! Сколько в них безрассудного, нелепого, даже безнравственного, пусть каждый сам рассудит по совести и оценит. Только завистник людского счастья, враг любви и согласия семейного мог поселить в людях такое неуважение к женщине, создать такие понятия о ней. Но они ведутся исстари и, словно по наследству, переходят вместе с пословицами и поговорками из рода в род, передаются от стариков молодым.

Унижая таким образом свою жену, мужья обыкновенно рассуждают о своей власти над женой, понимая ее как господство и владычество над ней, совершенно забывая об обратной стороне этого господства, требующего заботиться о жене, быть ей другом, ответчиком за ее благополучие.

Воспитанные в таком духе, мужья требуют от жен только полной покорности себе, безропотного повиновения во всем да выполнения почти всех работ по дому. Спросят ли у нее совета, как лучше что сделать? Куда там! Разве она что смыслит? Бог дал ведь разум только ему! А женщина, что, — пусть она вдвое умнее мужа, — она же из ребра сотворена, а не из головы!..

Стоит ли говорить о том, что *разумный* муж будет с уважением относиться к жене за ее безграничный труд по хозяйству да воспитание детей. *Разумный* муж всегда оценит по достоинству *постоянную* занятость своей жены домом, вечной и добровольной его домработницы. Оценит и найдет в себе душевные силы ответить ей благодарностью.

К сожалению, в обществе фактически отсутствует институт или нормы христианского отношения между супругами. Наоборот, внушается некая безрассудная автономность, независимость и свобода каждой из сторон. Безбоязненность перед Богом. За нарушение Его заповедей, Его главного закона *относиться к ближнему как к самому себе*.

Поэтому все еще нередки случаи, когда муж поддерживает свою власть в семье силой, унижая себя побоями жены, выведенной из терпения его же глупостью и грубым отношением. Но драками да битьем человек только ожесточает свое же собственное сердце, теряет жалость

не только к ближнему, но к любому человеку вообще, в голове потемнеет, и сам себя он забудет, словно зверь какой.

Что же следует из безобразного обращения мужей с женами? Конечно, ко всему можно привыкнуть: стерпится, говорят, слюбится. Свыкнется с такой жизнью и жена, загнанная, забитая, замытаренная, стерпится со своей долей, но едва ли полюбятся ей когда-нибудь обиды, притеснения, побои, хотя бы и научилась она переносить их сколько угодно. Притупеет от них сердце жены, сживется она со своим положением до того, что уже станет ко всему нечувствительной. Редко и роптать станет на свою долю и на мужа; ей, пожалуй, будет думаться, что так и быть должно. «Видно, такая судьба мне досталась», — скажет она тому, кто пожалеет ее. А все-таки нерадостна для нее жизнь такая: хоть и несет бедная женщина терпеливо свою судьбу, но редко увидите ее веселой, довольной, становится она молчаливой, угрюмой. Разумеется, и в семью свою не внесет она той приятной отрады, того веселья, того бесценного утешения, которое заставило бы и мужа забыть труды и невзгоды житейские, искать и находить у себя дома отдых и покой. Но может быть, не отрады в жене ищет муж, а это самое и нужно ему, чтобы жена чувствовала власть его над собой, смирялась перед ним, почитала и была покорна ему. Конечно, грубостью да бранью, а особенно кулаками, он добьется того, что жена будет пред ним тиха и молчалива, не станет возражать ему, будет во всем угождать ему. Но станет ли любить и почитать его? Вот в чем главное-то, что нужно для счастья семейного! Таким обращением только страх возбудишь к себе. Из страха будут тебя слушаться, будут стараться, чтобы делать в угоду капризам твоим и не перечить тебе ни в чем, но уж любви, уважения, преданности к себе не жди! А что за радость, когда тебя только боятся? Что за удовольствие в том, что перед тобой робеют и дрожат, как перед зверем или страшилищем? Ведь и удобное-то тебе будут делать не от души, а со скорбью в сердце, притворно. Да и тогда, когда тебя не будет, не помянут тебя добром. Нет, то хорошо и приятно, когда тебя искренне любят и почитают. *А любовь любовью и покупается, уважением платят за уважение*, страх делает неприятным того, кого приходится бояться.

Впрочем, не всегда жена покорно и безответно терпит дурное обращение мужа, чаще случается наоборот. И с мягким, податливым характером жена выходит из терпения от обид мужа, озлобляется на него, как говорится: «Курицу, и ту можно раздражить». А уж если жена не из робких, с бойким, твердым характером, так и подавно станет сопротивляться. Что же выходит тогда? Вечная война в доме между мужем и женой, ссоры, брань, проклятия, драки, неурядица, все идет вверх дном, как есть Содом! Что же это за жизнь, когда нет покоя, тишины! Положим, что муж и тут смирит жену криком, угрозами или силой. Но что же за отрада ему в ее слезах, жалобах, в ее озлоблении против него!

Случаются нередко и еще большие несчастья, до которых такая жизнь доводит жену, озлобленную мужем. Помучается она от обид мужа, от его грубости и жестокости, да, наконец, и не в состоянии станет терпеть больше: отобьется она от дома совсем и начнет мыкать горе и тоску свою в разгульной жизни, мстить мужу своим позором, либо решится на какое-нибудь тяжкое преступление. Про такие случаи пишут в газетах, немало их и в судах разбирают. А разве на жену одну падает всей своей тяжестью такой грех! Нет, не меньше, а пожалуй и больше, на того, кто довел ее до этого.

Но даже если и не дошло до такого несчастья, все же много греха на душу берет тот муж, который оскорбляет свою жену, не хочет построить жизнь с ней в ладу. Господь, заповедавший нам жить в любви, дружбе и мире со всеми, поставил вражду нашу с ближними и обиды, какие делаем им, столь тяжелым грехом, что при нем молитва наша будет не в молитву, всякое доброе дело, какое бы мы ни совершили, и всякий дар Богу, не будут Ему угодны, и прощения себе не можем ожидать от Господа, пока не помиримся с ближним. Что же говорить о том, что муж не

живет в мире и согласии с самым близким к себе человеком — со своей женой, если он наносит ей обиды и оскорбления? Этот грех его станет стеной между ним и Господом, не допустит до Бога никакой молитвы его, загородит от него всякую милость Божию. **Каков будет муж со своей женой, таковым будет и Бог для него.**

Правосудный Господь воздаст таким мужьям по заслугам. И, конечно, первым наказанием Божиим для них бывает то, что их собственный дом и семья приносят им огорчения и несчастья, вместо отрады и утешения. От того-то и происходит очень часто, что после трудов своих или при разных житейских неприятностях они ищут себе отдых и развлечения не там, где следовало бы, то есть не в обществе жены и семьи, а где-нибудь на стороне. Родной дом не привлекает их, радости не доставляет им. Еще большее наказание понесут они в своих детях. Дурное обращение отца с матерью не укроется от детей, как бы того не хотели сами родители. Дети умеют все подмечать и все, подмеченное ими, глубоко ложится в их душу. У нас, к сожалению, мало заботятся о том, чтобы дети не видели дурных примеров. Что же происходит, когда они видят дурной пример в отце, в его обращении с матерью? А вот что: суровое обращение отца с матерью поселяет и в них страх к отцу, а где один страх, там, как мы уже говорили, не может быть любви. Затем бывает еще хуже: дети начинают испытывать жалость к матери, на отца начинают смотреть с неприязнью, как на ее обидчика, мало-помалу озлобляются против него, а особенно, если мать с ними ласкова и добра к ним. Либо, наоборот, в подражание сами начинают ни во что ставить свою мать. А там, как вырастут, и сами становятся грубы и непочтительны к своим родителям. Когда же обзаведутся своими семьями поступают уже со своими женами по примеру отцов. Потому-то и долговечны у нас такие дурные семейные порядки, построенные на неуважении мужа к жене. «Старики наши строгостью держали жен в покорности и страхе, не давали им воли, плетью учили их уморазуму». Так у нас рассуждают и по сей день, как будто и в самом деле все то хорошо, что велось у отцов и дедов. А ведь если во всем подражать старине, не разбирая, что было в ней худо и что хорошо, то, пожалуй, и веры истинной и закона христианского не было бы у нас на Руси. «Нельзя же не поучить жены своей, если она женщина нескладная, ни с чем несообразная, вздорная да непокорная, и в Писании сказано: жена да боится своего мужа»... Но спросим: разве учат грубостью да бранью? Разве идет впрок наука, вбитая кулаком? Забить, запугать, сделать упрямым, озлобить, — на все это, конечно, способна такая наука, а научить добру — никогда! Человек, ведь, — не животное: Господь дал ему разум и совесть, понимание, что хорошо и плохо, значит, его надо вразумлять, растолковывать, что следует и как следует, учить его добру нужно, действуя на его совесть, неподатливость его одолевая терпением и кротостью. Любовью, вразумлением да терпением можно всего добиться от человека, покорить его себе гораздо скорее и прочнее, чем суровостью и жестокостью. Даже неразумных животных и тех кнутом только портят: если, например, лошадь с норовом, так и знай, что ее учили дубиной. А если в Писании сказано про страх жены, что жена должна бояться мужа, так какой же страх или какая боязнь тут разумеется? Конечно, не тот, какой имеют люди к злодею, врагу своему, а страх, похожий на тот, который мы должны иметь к Отцу Небесному — это страх из любви и глубокого почтения. Разве будет угоден Богу такой наш страх к Нему, когда мы боимся Его из-за того, чтоб беды себе не нажить, кары Его не навлечь на себя? Пусть жена боится мужа, то есть пусть дорожит его любовью, пусть боится всего того, что может охладить эту любовь, пусть почитает его как защитника, охранителя своего, главу дома, но пусть боится не как человека, который всегда может, если захочет, нанести ей обиду или оскорбление. Такой-то страх из любви или такое почтение к себе пусть муж и постарается сам возбудить в жене своей любовью и добротой к ней, заботой о ее благополучии. Следовало бы сказать еще о том, каковы бывают и какими должны быть мужья как хозяева дома и о самих женах, как они обращаются со своими

мужьями и как бы следовало им обращаться. Признаться, язык не поворачивается указывать на слабости и недостатки наших жен, когда подумаешь, как много обид им приходится терпеть от мужей. Не хочется говорить о них ничего другого, кроме слов полного сочувствия к их многострадальной доле.

Милосердны наши русские люди к несчастным, даже к справедливо осужденным выражают, как могут, свое сострадание.

Пусть же и мужья сжалятся над своими женами!